
A 167/411

ЛЖЕХРИСТЫ

МОНТАНО-МОЛОКАНСКІЕ:

ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВЪ И ГРИГОРІЙ ВЕРЕЩАГИНЪ.

КЪ ИСТОРІИ МОНТАНО-МОЛОКАНСКОЙ СЕКТЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Миссіонера Іеромонаха Арсенія.

Изданіе третіе

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1891.

Изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Ученіе о разныхъ церковныхъ догматахъ, изложенное по книгѣ митрополита Стефана Яворскаго «Камень вѣры».

Догматъ о святыхъ иконахъ. Изданіе 3-е. Москва. 1889 г. Цѣна 12 к., съ пересылкой 16 к.

Догматъ о знаменіи Честнаго Креста. Изданіе 2-е. Москва. 1887 г. Цѣна 12 к., съ пересылкой 16 к.

Догматъ о почитаніи святыхъ мощей. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Догматъ о святѣйшей Евхаристіи, т. е. о таинствѣ Тѣла Христова и Крови Его. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Догматъ о почитаніи Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Догматъ о почитаніи и призываніи святыхъ. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой 20 к.

Догматъ о прославленіи праведниковъ на небеси въ церкви торжествующей. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Догматъ о поминовеніи усопшихъ. Изданіе 2-е. Москва. 1886 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой 20 к.

Догматъ о преданіяхъ. Изданіе 2-е. Москва. 1887 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Догматъ о святѣйшей литургіи, или о безкровной жертвѣ. Изд. 2-е. Москва. 1886 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой 20 к.

Догматъ о святыхъ церковныхъ постахъ. Изданіе 3-е. Москва. 1889 г. Цѣна 12 к., съ пересылкой 16 к.

Догматъ о добрыхъ дѣлахъ, необходимыхъ для спасенія. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 8 к., съ пересылкой 10 к.

Православіе и неправославіе. (Брошюра сія служитъ какъ бы предисловіемъ къ Догматамъ). Изданіе 2-е. Москва. 1887 г. Цѣна 3 к., съ пересылкой 5 к.

Выписывающимъ всѣ 13 книжекъ онѣ высылаются за 1 р. 60 к. съ пересылкою.

Сочиненія противъ молоканъ.

Бесѣды православнаго христіанина съ молоканами *о храмѣ. Миссіонера Аѳонскаго іеромонаха Арсенія.* Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. Москва. 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

Бесѣды православнаго христіанина съ молоканами о священныхъ ико-

ЛЖЕХРИСТЫ

МОНТАНО-МОЛОКАНСКІЕ:

ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВЪ И ГРИГОРІЙ ВЕРЕЩАГИНЪ.

КЪ ИСТОРІИ МОНТАНО-МОЛОКАНСКОЙ СЕКТЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Миссіонера іеромонаха Арсенія.

Изданіе третіе

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1891.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 1 дня, 1891 года.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*

ЛЖЕХРИСТЫ

Монтано-молоканскіе: Иванъ Григорьевъ и Григорій Верещагинъ.

(Къ исторіи монтано-молоканской секты).

Приступая къ описанію ученія лжехриста, я желаю предварительно сказать нѣсколько слѣдующихъ словъ. Какъ объясненіе дѣйствія смертоноснаго яда бываетъ благодѣтельно для всѣхъ людей, которые, узнавши его свойства, остерегаются его, и только врагъ своей жизни, не смотря на общеизвѣстныя смертельныя свойства этого яда, убиваетъ себя имъ или другимъ какимъ-либо оружіемъ, такъ и объясненіе душеубійственнаго яда всякаго ложнаго ученія бываетъ благодѣтельно для всѣхъ, ищущихъ душевнаго спасенія. Кромѣ того нужно замѣтить, что изобличеніе ложнаго ученія приноситъ двойную пользу, а именно: православные, узнавъ о лжеученіи, всячески будутъ удаляться отъ него, а тѣ несчастные, которые, по невѣдѣнію своему, были заражены лживымъ ученіемъ, подслащеннымъ, подобно яду, сладостнымъ и пріятнымъ питіемъ, отвергнутъ его и обратятся къ истинному ученію церкви Христовой. Самъ Іисусъ Христосъ, предостерегая отъ вкушенія такого душеубійственнаго яда, говорилъ: *„блюдите, да никто же васъ прельститъ“* и далѣе объясняетъ, какихъ именно прельстителей должно блюстися, говоря: *„мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и многи прельстятъ... и мнози лжепророцы востанутъ, и прельстятъ многія“* (Матѳ. 24, 4. 5. 23. 24—26; 24, 11; 7. 15). Изъ приведенныхъ

нами словъ видно, что должно блюстися двоякаго рода прель-стителей; къ первому относятся лжехристы, а ко второму лже-пророки, чрезъ которыхъ діаволъ будетъ ополчаться на церковь Христову, а посему Іисусъ Христосъ и сказалъ: *„мнози пріидутъ во имя Мое“* или: *„мнози лжепророцы востанутъ“*. Въ настоящее время сіе предсказаніе Іисуса Христа въ точности исполняется, ибо мы видимъ, что безчисленное множество лжепророковъ яви-лось въ міръ, и всякій изъ нихъ выходитъ на брань съ церковью Христовой, изобрѣтя свое оружіе и собирая свое полчище вои-новъ. Сколько, мы видимъ, у насъ въ Россіи явилось нынѣ та-кихъ антихристіанскихъ обществъ, которыя трудно даже прослѣ-дить и изобличить, и всѣ они, подъ руководствомъ своего отца лжи, воюютъ противъ церкви Христовой, уловляя какъ бы сѣтью нашъ православный людъ своими прелестными ученіями, при чемъ одни выдаютъ себя за Христа, другіе за пророковъ, а жен-щины ихъ именуютъ себя богинями и пророчицами, каковымъ умопомраченнымъ бѣснованіемъ своимъ они, какъ проказой, за-ражаютъ нашихъ православныхъ.

Съ такими апокалипсическими звѣроподобными чудовищами и приходилось мнѣ нѣсколько лѣтъ вести духовную войну и, при содѣйствующей благодати Божіей, многихъ изъ нихъ пришлось вразумить, изобличивъ ихъ заблужденіе предъ многочисленными слушателями, при чемъ многіе православные, будучи склонны къ ихъ ученію, получили себѣ укрѣпленіе въ истинѣ и дѣлались истинными чадами церкви Христовой. По изложеннымъ выше со-ображеніямъ я и желаю пустить въ свѣтъ описаніе ученія лже-христа, съ которымъ я велъ бесѣды, надѣясь симъ вразумить его послѣдователей, ибо и Апостолъ говоритъ: *„вся же обличаемая отъ свѣта являются: все бо являемое свѣтъ есть“* (Еф. 5, 13); если же обличеніе есть свѣтъ, то не должно столь смерто-носный ядъ скрывать во тьмѣ, ибо діаволъ ничего такъ не боит-ся, какъ изобличенія предъ народомъ его лживаго ученія, кото-рое онъ чрезъ своихъ лжеучителей всячески скрываетъ и хранитъ, дабы оно не изобличилось свѣтомъ правды, спасающимъ души человѣческія, которыя уловляетъ діаволъ своею ересью, какъ тайными сѣтями. На семъ основаніи всѣ ересеначальники, и

внушенію владѣющаго ими, стараются всячески скрыть свои ложныя ученія предъ всѣми здравомыслящими и просвѣщенными людьми, опасаясь, да не сокрушится ихъ діавольское оружіе, а посему и поступающаго въ ихъ общество они учатъ не открывать ихъ ученія умнымъ и ученымъ людямъ, а распространять его между подобными же простецами. Главные же обольстители, именующіе себя христами и пророками, всякаго новопоступающаго въ ихъ ересь подводятъ подъ страшную клятвенную присягу въ томъ, что онъ не откроетъ тайнъ ихъ ученія, въ противномъ же случаѣ угрожаютъ ему въ будущемъ разными клятвами и кознями. Мало того, нѣкоторыхъ они заставляютъ выпускать кровь изъ правой, а иногда изъ лѣвой руки, и этою кровью принуждаютъ подписывать свое клятвенное обѣщаніе; если же кто не умѣетъ писать, таковый ставитъ своей рукой нѣсколько кровавыхъ точекъ на присяжномъ листѣ, каковые знаки служатъ вмѣсто подписи. Итакъ, изъ всего сказаннаго благоразумный читатель пойметъ, сколь хитростно управляетъ діаволъ еретиками, и сколь глубокіе рвы копаетъ онъ, куда тысячи душъ человѣческихъ, по неразумѣнію своему, ежедневно падаютъ, живыми нисходя во адъ. Кромѣ того узнано, что иконоборческіе лжеучители не выпускаютъ въ свѣтъ своихъ ученій; хотя нѣкоторые изъ нихъ пишутъ, но тщательно скрываютъ свои хартіи отъ всѣхъ ученыхъ и разсудительныхъ людей, а посему не ясно ли на нихъ сбываются слова Спасителя: „*и возлюбиша человѣцы паче тьму, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо, дѣлая злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана*“ (Іоан. 3, 19—21). Итакъ, при обличеніи всякой тайной лжи, всѣ легіоны бѣсовскіе трепещутъ и трясутся, ибо не терпятъ своего изобличенія, объ которое разбиваются ихъ тайныя козни, и тѣмъ избавляются отъ погибели души человѣческія. На семъ основаніи и называется обличеніе свѣтомъ, а *молчаніе* тьмой.

Вечеромъ 1872 года ноября 9 дня въ Самарскомъ Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ я жилъ тогда въ качествѣ рясофорнаго

монаха, въ моей келліи со мною занимался дѣлами мѣстной миссіи покойный миссіонеръ Иванъ Артемьевичъ Савельевъ *). По окончаніи нашихъ занятій Иванъ Артемьевичъ остался у меня ночевать. Едва успѣлъ я заснуть первымъ сномъ, вдругъ я услышалъ крикъ Ивана Артемьича: „Ко мнѣ, о. Арсеній!... Ты спишь или нѣтъ"? Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ необыкновенный и странный сонъ, который сильно перепугалъ его и отъ котораго онъ проснулся. „Шелъ онъ будто бы со мною какимъ-то полемъ. Вдругъ является седьмиглавый змій и съ страшнымъ остервененіемъ нападаетъ на него; Иванъ Артемьичъ сталъ защищаться отъ змія какимъ то длиннымъ оружіемъ, въ родѣ копья. По приказанію его и я съ такимъ же оружіемъ въ рукахъ началъ поражать змія. Наконецъ змій былъ пораженъ, ему отбили мы нѣсколько главъ и потомъ онъ издохъ". Разсказавъ этотъ сонъ, Иванъ Артемьичъ замѣтилъ: „ну, о. Арсеній, на вѣрное придется намъ съ тобою бороться съ духовнымъ зміемъ, нужно просить Господа Бога, чтобы Онъ помогъ намъ"... Иванъ Артемьичъ не ошибся: сонъ дѣйствительно сбылся,

Утромъ ноября 10-го Иванъ Артемьичъ отправился по дѣламъ миссіи къ преосвящ. Герасиму **), но скоро, часа чрезъ полтора, на извощикѣ является снова ко мнѣ и разсказываетъ мнѣ слѣдующее. Изъ Новоузенскаго острога переведенъ въ острогъ Самарскій какой-то бродяга Иванъ Григорьевъ, выдававшій себя за Христа и долгое время безнаказанно развращавшій своимъ еретическимъ ученіемъ крестьянъ Новоузенскаго уѣзда. Этотъ Григорьевъ заявилъ смотрителю острога г. Богородицкому о своемъ желаніи побесѣдовать съ Иванъ Артемьичемъ Савельевымъ и со мною и просилъ Богородицкаго пригласить насъ для этого въ острогъ. Смотритель, съ разрѣшенія начальника губерніи, желаніе узника передалъ преосв. Герасиму, который и благословилъ насъ исполнить его желаніе.

Того же 10-го числа мѣсяца ноября я и Иванъ Артемьичъ, съ

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ И. А. Савельевѣ см. Странникъ 1878 г. г. 4 и Самар. Еп. Вѣд. 1870 № 21. Савельевъ скончался 1883 г.

**) Епископъ Самарскій, уже теперь скончавшійся.

благословенія преосвященнаго, отправились въ тюремный замокъ и, въ сопровожденіи г. Богородицкаго, вошли въ солдатскую сборню. Вскорѣ къ намъ привели двухъ арестантовъ, крѣпко закованныхъ въ желѣзо. Одинъ изъ нихъ былъ рослый и представительный мужчина съ небольшой, средней бородой и темнорусыми волосами. На рябоватомъ лицѣ его мелькала утонченная хитрость; глаза смотрѣли смѣло и даже проницательно; въ тѣлодвиженіяхъ и вообще въ обращеніи его замѣтна была самоувѣренная развязнотъ человѣка, привыкшаго къ власти. Это и былъ лжехристосъ Иванъ Григорьевъ; пониже ростомъ и не такимъ виднымъ выглядывалъ другой арестантъ „предтеча или наперсникъ христа“ Иванъ Артемьевъ, крестьянинъ села малой Новоузенки, который, часто и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, взглядывалъ на Ивана Григорьева.

Я и Савельевъ поздоровались съ вошедшими узниками и подали имъ въ гостинецъ нѣсколько фунтовъ кренделей. Иванъ Григорьевъ поблагодарилъ насъ за это, прибавивъ, что онъ за это воздастъ намъ въ будущемъ „великой расплатой“. Затѣмъ, какимъ-то плаксивымъ голосомъ онъ началъ говорить намъ нѣчто въ родѣ рѣчи. Въ ней сначала онъ благодарилъ насъ за нашъ къ нему приходъ: „Въ темницѣ бѣхъ—говорилъ онъ—и пріидосте ко мнѣ“ (Матѳ. 25, 36). Затѣмъ онъ жаловался намъ, что страждетъ за евангельскую истину отъ князей вѣка сего и слугъ ихъ; что всѣ его враги не избѣгнутъ его суда: „страданіемъ своимъ осудитъ ихъ“. Тутъ ораторъ неожиданно разгорячился и принялся уже кричать и произносить различныя ругательства на этихъ „враговъ“, такъ что мы принуждены были прервать его и напомнить ему, что мы пріѣхали къ нему не для дознанія или суда надъ нимъ, но для бесѣды и по его собственному желанію. Иванъ Григорьевъ утихъ. Тогда мы спросили его, какой онъ вѣры и къ какому обществу именуемыхъ христіанъ онъ принадлежитъ. Иванъ Григорьевъ отвѣтилъ: „Я духовный христіанинъ, принадлежу къ церкви Сіонской и возвѣщаю людямъ повелѣніе Господне“. — „Къ какому именно обществу—снова спросили его мы—принадлежишь ты: къ молоканскому, духоборческому, штундистскому или къ другому—какому-нибудь“? Въ отвѣтъ Иванъ

Григорьевъ принялся ругать эти сектанскія общества, равно какъ и нѣкоторыя другія. Такъ, молоканъ онъ называлъ пораженными Уклеинской чумой, духоборцевъ—богоборцами, а монтанъ и хлыстовъ ночными сычами и бѣшеной скотиной. О себѣ же сказалъ онъ, что онъ „не есть отъ міра сего нечестивыхъ“.

„Исполняешь ли ты—спросили мы—евангельское ученіе“? Съ особеннымъ удареніемъ и самоувѣренностью Иванъ Григорьевъ заявилъ намъ, что онъ самый истинный послѣдователь евангельскаго ученія. Мы попросили его сказать намъ, признаетъ ли онъ св. таинства, учрежденныя Самимъ Іисусомъ Христомъ и завѣщанныя Его Апостолами. Собесѣдникъ нашъ сказалъ, что всѣ эти таинства онъ „исполняетъ въ христіанскомъ духѣ, чрезъ одну вѣру въ Бога;“ видимыя же дѣйствія въ сихъ таинствахъ считаетъ лишними, не нужными: ихъ признаютъ и выполняютъ только „плотскіе и противобожные люди“, христіанъ же одна вѣра спасаетъ. Мы замѣтили Ивану Григорьеву, что на св. таинства такъ смотрятъ и молокане и духоборцы и монтане, а не онъ одинъ, но что такой взглядъ не правильный. Въ Евангеліи и другихъ апостольскихъ писаніяхъ ясно говорится и о необходимости въ таинствахъ видимыхъ дѣйствій. Въ доказательство это мы прочитали нашему собесѣднику изъ Библіи: о крещеніи водою Іисуса Христа отъ Іоанна, о крещеніи каженика отъ Апостола Филиппа, о завѣщаніи Спасителя ясти плоть Его для нашего спасенія, о совершеніи Имъ Самимъ таинства Евхаристіи..., словомъ, мы вычитали для Ивана Григорьева большинство тѣхъ библейскихъ текстовъ, на которыхъ опирается православная церковь въ своемъ ученіи о небходимости обрядовой стороны таинствъ. Иванъ Григорьевъ снова заволновался и загорячился и въ отвѣтъ намъ могъ только порицать св. церковь за ея привerженость „письменности или буквѣ“. „Духъ евангельскій—прибавилъ Григорьевъ—отвергли православные; истинный смыслъ Священнаго Писанія закрытъ для нихъ Самимъ Богомъ—за то, что они воздвигали и воздвигаютъ гоненія на Божіихъ людей, какъ напр. на него, Ивана Григорьева, невинно пострадавшаго за истину; что онъ въ своемъ страданіи дѣлаетъ будто-бы то же,

что и Христосъ". Григорьевъ совершенно разстроился духомъ и весь трясся.

Желая вновь успокоить духъ нашего собесѣдника и хоть чего нибудь болѣе опредѣленнаго да добиться отъ него, мы тихо и кротко попросили его объяснить намъ, какъ онъ смотритъ вообще на Св. Писаніе и въ частности на тѣ мѣста изъ него, которыя мы привели ему въ защиту православнаго ученія о таинствахъ. Иванъ Григорьичъ, видимо обрадовавшись нашему вопросу, быстро успокоился и началъ говорить намъ приблизительно слѣдующее: „Я все Священное Писаніе понимаю не по буквѣ, но духовно. Такъ какъ все оно написано отъ Духа Божія *для человѣка, то и названія природы всякихъ предметовъ должно относить къ человѣку же.* Если человѣкъ своими дѣлами уподобляется скоту, то Писаніе его именуетъ скотомъ, если—звѣрю, то оно именуетъ звѣремъ. Такимъ образомъ, всѣ предметы, упоминаемые въ Библіи: земля, горы, холмы, трава, деревья, вода, рѣки, моря, скоты, звѣри, гады, птицы, вѣтеръ, воздухъ, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, ангелы, бѣсы, адъ, рай, смерть, жизнь—не должны быть толкуемы буквально, но должны относиться къ человѣку".

Услыхавъ такое странное толкованіе Священной Библіи и желая поглубже вникнуть въ его смыслъ, мы попросили Ивана Григорьева, яснѣе растолковать намъ свою теорію на библейскомъ разсказѣ о шестидневномъ твореніи, при чемъ замѣтили ему, что по смыслу этого разсказа, человѣкъ—есть вѣнецъ творенія, такъ что свѣтъ, видимое небо, небесныя свѣтила, растенія, животныя, словомъ все, что было сотворено Богомъ въ теченіи первыхъ пяти дней, сотворено Имъ для человѣка и вручено ему подъ власть. Иванъ Григорьичъ объяснилъ, что всякій день Богъ творилъ людей, но они по своему невѣжеству обращались въ разныя чудовища: извергов, гадовъ, звѣрей, птицъ и проч. „Только въ 6 день Богъ сотворилъ Адама, *то есть, праведное потомство.*"

„Если Адамъ—спросили мы—былъ не первый человѣкъ, такъ кто же, по твоему мнѣнію, былъ первымъ человѣкомъ?" „Были люди и до Адама," отвѣтилъ Иванъ Григорьевъ, и въ доказательство этого сослался на Каина, который, по убіеніи Авеля, удалился отъ своего отца и поселился въ землѣ Наидъ и, „взялъ

себѣ жену изъ жителей Напда, происшедшихъ, конечно, не отъ Адама." Мы возразили, что въ Писаніи не сказано, что Каинъ взялъ жену или „женился" въ Наидѣ, а сказано, что онъ *позна жену свою и зачентии роди Еноха*" (Быт. 4, 17). Познаніе же жены въ Библіи означаетъ не женитьбу, а начало чадородія. Такъ напр. въ 4 гл. Быт. 1 ст. читаемъ: „*Адамъ же позна Еву жену свою и зачентии роди Каина;*" Лотъ говорилъ Содомлянамъ: „*суть же ми двѣ дщери, яже не познаша мужа* (Быт. 19, 8), *дѣва бѣ (Ревекка), мужъ не позна ея*" (Быт. 24, 16) и пр. — Приводили Ивану Грyгорьеву и другіе подобные же библейскіе тексты. Но Иванъ Григорьевъ съ язвительной усмѣшкой сказалъ: „Какъ вы не толкуйте по-фарисейски, я васъ не послушаю... Въ Писаніи именуется и городъ Наидъ, въ которомъ женился Каинъ." На это нами было сказано, что имя Наидъ—еврейское и означаетъ „изгнаніе," что оно придумано было съ цѣлію обозначить мѣсто изгнанія убійцы Каина и потому, слѣдовательно, получило свое названіе послѣ его преступленія по мѣсту жительства его потомковъ.

Мы попросили еще Ивана Григорьева объяснить намъ исторію всемірнаго потопа: какъ 40 дней и 40 ночей шелъ проливной дождь на землю; какъ вода покрыла все лице земли со всѣми горами ея; какъ все живое погибло отъ этого, исключая праведнаго Ноя съ семействомъ и тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ, по волѣ Бога, ввелъ въ свой ковчегъ; какъ ковчегъ Ноевъ носился поверхъ воды и т. д. При этомъ мы заявили желаніе, чтобы онъ всѣ предметы, упоминаемые въ этой исторіи, переложилъ, согласно своей теоріи, на людей. Собесѣдникъ нашъ, озадаченный особенно послѣднимъ нашимъ желаніемъ, сталъ окончательно въ тупикъ. Но когда съ нимъ прошелъ немного столбнякъ, то онъ началъ кричать и всячески злословить насъ, между прочимъ называя насъ фарисеями и искусителями. Какъ волку не свойственна овечья кротость, такъ и еретику смиреніе! Смотритель острога и прочіе присутствующіе вступились за насъ, говорили ему, что онъ не въ правѣ такъ ругать насъ, такъ какъ мы съ нимъ кротко и дружески обращались и никакимъ оскорбительнымъ именемъ не обозвали его, тогда какъ самъ онъ уже не одно оскорбительное слово сказалъ намъ въ теченіи этой бесѣды. Иванъ

Григорьевъ одумался и за свои неприличныя выходки попросилъ у насъ извиненія.

Собираясь оставить узниковъ, въ заключеніе своей бесѣды мы довольно подробно говорили имъ, какими способами нужно пользоваться, чтобы правильно понимать и толковать Священное Писаніе; особенно просили ихъ различать, гдѣ слѣдуетъ понимать его по буквѣ, а гдѣ иносказательно. При прощаніи Иванъ Григорьевъ просилъ насъ еще побывать у нихъ, а мы попросили его думать о тѣхъ нашихъ вопросахъ, которые онъ еще не разрѣшилъ, а въ особенности о томъ, можно ли подъ всякимъ предметомъ, упоминаемымъ въ Св. Писаніи, разумѣть человѣка.

Ноября 16-го я и Савельевъ снова отправились въ тюремный замокъ и вызвали въ солдатскую же сборню Ивана Григорьева и его наперсника. Ивана Григорьева мы опять попросили объяснить намъ повѣствованіе книги Бытія о шестидневномъ твореніи и въ частности, почему онъ думаетъ, что были люди и до Адама, и кто былъ, по его мнѣнію, первый человѣкъ. Григорьевъ отвѣтилъ: „Родъ человѣческій существовалъ до Адама еще за 5000 лѣтъ.“ На нашъ вопросъ, откуда онъ заимствовалъ это ученіе, Григорьевъ отвѣтилъ вопросомъ же: „Въ какой день сотворенъ былъ Адамъ?“ „Въ шестый—отвѣтили мы. Иванъ Григорьевичъ самодовольно разсмѣялся и сказалъ: „А какъ вы понимаете о творческихъ дняхъ, считаете ихъ за обыкновенные дни или нѣтъ?“—Мы сказали: „за обыкновенные; а ты какъ же думаешь объ нихъ?“—“Я понимаю—отвѣтилъ онъ, — что каждый творческій день равняется тысячѣ годовъ. До Адама было пять такихъ дней, значитъ, 5000 годовъ.“—Мы спросили его, откуда онъ заимствовалъ такой взглядъ. — Онъ сказалъ: „Я вычиталъ изъ книги, составленной вашими учеными.“ Но изъ какой именно,—мы отъ него не добились, тѣмъ не менѣе подробно доказали ему несостоятельность и этого положенія его самочинной догматики.

Послѣ этого мы стали вразумлять его въ томъ, что онъ страшно богохульствуетъ, выдавая себя за Христа и живаго Бога и тѣмъ уподобляясь сатанѣ, самовольно пожелавшему восхитить престолъ

у Бога и злѣйшему врагу Христову, антихристу. На эти слова нашъ Григорьевъ смиренно отвѣтилъ: „Въ комъ, по слову Апостола, духъ Христовъ, въ томъ и Христосъ, и имѣетъ тотъ область Сыномъ Божіимъ именоваться и можетъ то же творить, что и Христосъ, и больше Христа можетъ сотворити.“ Обличивъ нашего собесѣдника въ искусственномъ сопоставленіи текстовъ, между которыми нѣтъ никакой связи, и неправильномъ ихъ пониманіи, мы перешли къ другому вопросу. „Имѣешь ли ты—спросили мы Григорьева — жену?“ „Не имѣю“ — отвѣтилъ онъ. „Правда твоя—сказали мы, — ты законной жены не имѣешь. А сколько при тебѣ находится духовныхъ женъ?“ Если ты именуешь себя Христомъ, то не утаи, скажи намъ, сколько у тебя женъ и сколько дѣтей?“ Этотъ вопросъ до того не понравился Ивану Григорьеву, что онъ совершенно вышелъ изъ себя. Глаза у него налились кровью и, казалось, хотѣли испепелить насъ; все тѣло его тряслось, а руки судорожно сжимались. Въ отвѣтъ намъ онъ могъ только снова разразиться на насъ страшными ругательствами, называть насъ фарисеями *Христо*-распинателями и пр. Смотритель замка, опасаясь, что Григорьевъ бросится на насъ, и справедливо находя, что дальнѣйшій разговоръ съ нимъ былъ бы уже излишнимъ, велѣлъ конвойнымъ увести его съ наперсникомъ его. Когда они пошли изъ сборни, Григорьевъ, обернувшись къ намъ, сказалъ: „еслибы вы со мной встрѣтились въ Новоузенскомъ уѣздѣ, я бы вамъ доказалъ о моихъ женахъ.“

Смотритель острога, когда ушли арестанты, разсказывалъ намъ, что, еще до первой нашей бесѣды съ ними, Иванъ Григорьевъ хвалился предъ острожниками, будто ни одинъ миссіонеръ не можетъ переспорить его: если даже самъ преосвященный пріѣдетъ въ острогъ, и тотъ не побѣдитъ его. Но когда на первой бесѣдѣ Григорьевъ вовсе не такъ успѣшно защищалъ свое вѣроученіе о таинствахъ церковныхъ, какъ бы ему хотѣлось, и когда поэтому его вѣрный ученикъ, самъ „предтеча и наперсникъ Христа“ поколебался въ вѣрѣ въ своего учителя и доложилъ прочимъ арестантамъ, что его христосъ „не выстоялъ противъ монаха,“—арестанты такъ проняли Григорьева своими насмѣшками

надъ его неожиданной неудачей, что на вторую бесѣду онъ не хотѣлъ было совсѣмъ являться.

Вторая наша бесѣда съ лжехристомъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя. Наши убѣжденія, не произведшія на него никакого плодотворнаго дѣйствія, и даже, быть можетъ, только еще больше ожесточившія его, произвели однако на его наперсника Ивана Артемьева настолько сильное впечатлѣніе, что онъ, сознавшись въ своемъ заблужденіи, выпросилъ у начальства свободу и для утвержденія въ христіанскихъ догматахъ явился ко мнѣ. Настоятель Никольскаго монастыря, іеромонахъ Филаретъ, разрѣшилъ новообращенному пожить въ обители и укрѣпиться въ вѣрѣ,— и онъ прожилъ въ ней цѣлую недѣлю. Въ теченіе этой недѣли я, между прочимъ, разспрашивалъ его о прошлой жизни Ивана Григорьева и объ основанной имъ сектѣ. Разсказъ Артемьева, какъ и двѣ бесѣды съ Григорьевымъ въ острогѣ, я записалъ тогда себѣ на память. Признавая этотъ разсказъ весьма важнымъ матеріаломъ для изученія секты Ивана Григорьева, я считаю нужнымъ познакомить читающую публику и съ нимъ. Но напередъ скажу слова два о названіяхъ этой секты. Самъ Иванъ Григорьевъ, присвоивая себѣ и своимъ единомышленникамъ имя „молоканъ,“ питающихся млекомъ слова Божія, и „духовныхъ христіанъ,“ имя, которое носятъ многіе русскіе сектанты, любилъ въ то же время называть свою секту, сектою „методистовъ“ *). Я послѣ тщательнаго сравнительнаго изученія различныхъ русскихъ сектъ, нахожу свойственнымъ придать сектѣ Ивана Григорьева названіе монтано - молоканской; названіе же ея мормонской, по нѣкоторымъ авторамъ, я нахожу несправедливымъ, такъ какъ сущность ученія ея не имѣетъ сходства съ ученіемъ мормоновъ, которое особенно распространено въ Америкѣ.

---

*) Сколько мнѣ извѣстно, Ив. Григорьевъ и его приверженцы не имѣли сношеній съ извѣстными методистами, послѣдователями Джона Уэсли. О нихъ Григорьевъ вѣроятно читалъ гдѣ-нибудь и, нашедши въ ихъ ученіи мнимое сходство съ своимъ, назвалъ ихъ именемъ свою секту.

Краткое жизнеописаніе лжехриста *).

Жизнь Ивана Григорьева до 1855 года очень мало извѣстна. Онъ былъ уроженецъ Тяглаго Озера, Николаевскаго уѣзда. Его отецъ — молоканинъ за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ монетъ сосланъ былъ въ Сибирь на каторжныя работы. Иванъ съ двумя старшими братьями остался на время въ Тягломъ. Но не на долго. Подобно своему отцу, братья занимались пристанодержательствомъ, разбоемъ и т. п. Трофимъ умеръ въ острогѣ, Дементій ушелъ въ Амурскій край; спустя немного времени и Иванъ, за пристанодержательство разбойниковъ будучи преслѣдуемъ правительствомъ, принужденъ былъ удалиться на Кавказъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Иванъ переправился въ Азіатскую Турцію и поселился тамъ среди молоканъ, которые выѣхали изъ Россіи въ 1834 году для встрѣчи у горы Арарата Христа Спасителя, долженствовавшаго, по мнѣнію большинства тогдашнихъ молоканъ, прійти на землю и основать свое тысячелѣтнее царство въ 1836 году. Неизвѣстно, сколь долго прожилъ среди этихъ безумныхъ отщепенцевъ Иванъ Григорьевъ, проводившій жизнь свою въ бродяжничествѣ; но въ 1855 году онъ явился въ Орловъ Гай Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда и сначала выдавалъ себя тамошнимъ молоканамъ за ревностнаго послѣдователя Семена Матвеева Уклеина. Но потомъ мало-по-малу сталъ предъ орловцами развивать новое ученіе, котораго, какъ онъ говорилъ, держатся великіе знатоки Св. Писанія, кавказскіе молоканскіе старцы.

Ученіе лжехриста **).

Въ первыхъ своихъ рѣчахъ въ Орловомъ Гаѣ Иванъ Григорьевъ доказывалъ, что нужно оставить старую привычку искать въ

*) Писано со словъ И. Арт. Савельева.

**) Писано со словъ новообратившагося, бывшаго его „предтечи,“ Ив. Артемьева, крестьянина Новоузенскаго уѣзда, села Малой Новоузенки.

Библіи буквальнаго смысла, а должно понимать ее только въ смыслѣ „духовномъ.“ Доказывая эту мысль, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался разъяснить ее и на примѣрахъ. Такъ, открывъ 1-ю главу книги Бытія и прочитавъ слова: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“... Григорьевъ спросилъ своихъ слушателей: „Какъ вы думаете, то ли небо здѣсь разумѣется, которое вы видите своими очами, и эта ли земля, по которой ходите?“ Они въ отвѣтъ: „Кое же небо и земля?“ Лжехристъ: „У насъ старики (кавказ. наставники) не такъ судятъ: и небо—люди, и земля—люди. Небо означаетъ людей тѣхъ, которые разсуждаютъ горняя; потому что на нихъ Богъ почиваетъ, какъ пророкъ говоритъ: небеса повѣдаютъ славу Божію (Пс. 18, 1); и еще: Богъ на высокихъ живый и на смиренныя призираетъ (Ср. Пс. 112, 5—6). А земля—подножіе Его, т. е. слушатели его, которые слушаютъ тѣхъ праведныхъ, въ сердцахъ которыхъ находится Богъ. „И рече Бо́гъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.“ Это означаетъ, что когда не было этихъ высокомудрствующихъ, то въ то время была тьма, т. е. нечестивое потомство, „и Духъ Божій носился въ верху воды,“ т. е въ верху этихъ нечестивцевъ (не сходя на нихъ и не освѣщая); потому что въ Откровеніи Іоаннъ объясняетъ, что видѣлъ еси воды, люди и народы, племена и языцы, которыхъ всѣхъ тьма покрыла (Ср. Апокал. 17, 15). А когда сотворилъ высокомудрствующихъ людей (когда Духъ сошелъ), въ то время и далъ Свой свѣтъ истины, отъ котораго просвѣтилась земля“ *). Читатель помнитъ, вѣроятно, что на бесѣдахъ въ острогѣ Иванъ Григорьевъ появленіе на землѣ праведниковъ относилъ къ шестому творческому дню, или, по его счету, къ началу шестаго тысячелѣтія; здѣсь же появленіе праведниковъ прі-

---

*) Рѣчи Григорьева и другихъ послѣдователей его я буду передавать возможно ближе къ тому, какъ диктовалъ мнѣ ихъ его наперсникъ Иванъ Артемьевъ. Въ данномъ случаѣ, какъ читатель конечно замѣчаетъ, Григорьевъ, кромѣ безсмысленнаго и искусственнаго сопоставленія библейскихъ текстовъ, исказилъ послѣдніе. Надобно замѣтить, что Ив. Григорьевъ, подобно молоканамъ и другимъ „духовнымъ христіанамъ,“ любилъ не только искажать тексты, но сочинять новые и выдавать ихъ за библейскіе — въ тѣхъ видахъ, конечно, чтобы съ помощію ихъ закрѣпить въ сердцахъ слушателей свое лжеученіе.

урочиваетъ ко второму дню, ко второму тысячелѣтію. Но въ головѣ Ивана Григорьева уживались и не такія противорѣчія и несообразности, какъ это отчасти мы уже видѣли и еще болѣе увидимъ дальше.

Григорьевъ изъяснялъ своимъ слушателямъ подобнымъ же образомъ и дальше исторію творенія. Но образцы его толкованій этой исторіи читатель видѣлъ при чтеніи нашихъ бесѣдъ съ Григорьевымъ въ осторгѣ. Здѣсь добавить не мѣшаетъ лишь слѣдующее. Библейскую родословную патріарховъ въ своемъ „духовномъ“ смыслѣ Иванъ Григорьевъ понималъ такимъ-то образомъ. „Когда мы—говорилъ онъ—читаемъ въ Писаніи, что такой-то патріархъ столько-то столѣтій прожилъ, то мы должны подъ симъ разумѣть не одного этого человѣка, но цѣлый родъ людей, цѣлое потомство. Когда говоритъ Писаніе: родился такой-то, это означаетъ, что въ то время появлялось въ людяхъ истинное Богопознаніе и нарождалось, такимъ образомъ, праведное потомство. А когда Писаніе говоритъ: „умре“, то значитъ, что потомство исчезло предъ Богомъ, становилось неправеднымъ“.

Не трудно замѣтить изъ приведенныхъ примѣровъ умозаключеній Ивана Григорьева, что его проповѣдь не отличалась стройностью мыслей и ясностью изложенія. Но она произносилась человѣкомъ горячаго и пылкаго воображенія, человѣкомъ хитрымъ и бывалымъ, произносилась властительнымъ и страстнымъ тономъ. Это и послужило одною изъ причинъ того изумительнаго успѣха, какой имѣлъ Иванъ Григорьевъ среди молоканъ Новоузенскаго уѣзда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ орловскихъ молоканъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ селъ Новоузенскаго уѣзда онъ, менѣе, чѣмъ въ годъ, основалъ свою монтано-молоканскую секту.

Но вотъ, по какимъ-то причинамъ, Иванъ Григорьевъ сталъ собираться обратно къ двоюродному брату въ Турцію. Въ послѣднихъ прощальныхъ бесѣдахъ онъ изрекъ своимъ послѣдователямъ великія обѣтованія. „Благодать Христова—проповѣдывалъ онъ,—устроенная Апостолами по воскресеніи Христовѣ отъ мертвыхъ, исчезла съ лица земли, такъ что тьма бысть послѣ того по всей землѣ, то есть,—невѣдѣніе Божіе. Теперь отчасти возобновляется эта благодать въ вашемъ родѣ. Но денница солнца правды еще

не возсіяла въ васъ вполнѣ. Вы не будьте якоже Сарра въ сѣни, но будьте яко Дѣва Марія. Какъ она изрекла: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему,—такъ и вы пріимите слово благовѣствованія моего: въ сердцахъ вашихъ преобразится Духъ Христовъ и будутъ въ средѣ вашей пророки и апостолы; также народится у васъ самъ Сынъ Божій. Но только гоните, дондеже постигните *). „Что сотворимъ—спросило его собраніе—да животъ вѣчный наслѣдуемъ?“ Григорьевъ отвѣчалъ: „Како писано есть: двѣ ризы, неимущему дай, и брашна такожде имѣйте вся обща. Сердце и душа едино да будетъ вамъ, писано бо есть: Богъ вселяетъ въ домъ свой единомышленныя; тако и вы будьте домъ Божій и церковь Бога жива“. Кромѣ того, Иванъ Григорьевъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ продолжительные и строгіе посты (нѣкоторымъ дня по два ничего не велѣлъ ѣсть); а также къ женамъ запретилъ прикасаться. Въ заключеніе, онъ велѣлъ своимъ послѣдователямъ присылать ему въ Турцію денегъ, „какъ въ писаніи сказано: за грѣхи нужно во Іерусалимъ посылать“. Затѣмъ, Иванъ Григорьевъ оставилъ своихъ послѣдователей и отправился въ Турцію.

Оставленные своимъ наставникомъ, ученики его принялись усердно исполнять то, что онъ повелѣлъ имъ,—въ надеждѣ поскорѣе получить обѣщаннаго Сына Божія и Духа Христова. Для очищенія себя отъ своихъ грѣховъ они два раза посылали Ивану Григорьеву, или какъ они говорили, въ „Іерусалимъ“, весьма почтенную сумму денегъ: въ первый разъ 15 тысячъ, во второй—10 тысячъ рублей на ассигнаціи. Въ то же время они обратили свое особенное вниманіе на „обѣты“ или на милостыню. Она состояла главнымъ образомъ въ томъ, что каждый новоувѣровавшій устраивалъ обѣдъ для нищихъ, убогихъ и пр., при чемъ не жалѣлъ для ихъ угощенія ни своихъ овецъ, ни телятъ, ни даже взрослыхъ коровъ и быковъ. Всякій въ щедрости старался превзойти своего собрата по вѣрѣ. Въ то же время они, конечно, не забывали и другихъ видовъ благотворительности. Постъ и частыя общественныя моленія шли своимъ чередомъ. Слабые вѣрой православные

*) Предсказывая о будущемъ явленіи Сына Божія, Григорьевъ имѣлъ въ виду самого себя, почему и хитро подготовлялъ къ этому своихъ приверженцевъ.

и коренные молакане соблазнялись такою благочестивою, повидимому, жизнью новыхъ и духовныхъ христіанъ, въ особенности же даровыми угощеніями,—и спѣшили наполнить ихъ ряды.

О второмъ лжехристѣ и о крещеніи его.

Полтора года вѣрные послѣдователи Ив. Григорьева ожидали исполненія обѣтованія своего учителя. Въ концѣ этого періода ожиданіе ихъ особенно усилилось. Не разбирая ни дня, ни ночи, нѣкоторые изъ нихъ разъѣзжали по Новоузенскому уѣзду и „разсматривали“, не получилъ ли кто изъ единовѣрцевъ ихъ тотъ “драгоцѣнный даръ, который обѣщанъ Иваномъ Григорьичемъ. Два самые уважаемые наставника, Григорій Ивановъ Верещагинъ и Владиміръ Михайловъ, наконецъ, объявили своимъ единовѣрцамъ, что они „уже вполнѣ усовершенствовались, какъ сказано: первенцы воскреснутъ отъ мертвыхъ“. Владиміръ Михайловъ объявилъ себя Іоанномъ Крестителемъ, а Верещагинъ—Сыномъ Божіимъ. По прошествіи нѣсколькихъ *недѣль (не болѣе вѣроятно 40 дней), эти* „воскресшіе первенцы“ подъѣхали къ одному озеру, что близь Малоузенки, и, выпрягши лошадь, сказали другъ другу: „подобаетъ намъ, братъ, исполнити всяку правду“. Михайловъ, затѣмъ, объявилъ Верещагину: „тебѣ подобаетъ креститься отъ меня“,—и вошли оба въ озеро. *Креститель возложилъ руку на „христа“*, при чемъ оба видѣли будто бы Духа Святаго, въ видѣ голубя сходящаго на мнимаго христа. Свершивъ это богохульнѣйшее дѣло Михайловъ и Верещагинъ отправились по направленію къ Малоузенкѣ *). Дорогой Михайловъ началъ искушать и „ругаться неприличными словами на Григорія Иваныча“. Григорій отвѣчалъ: „Я не соблазнюсь, какую угодно мѣру подлости на меня говори,—я знаю, что ты Іоаннъ Креститель“. Михайловъ началъ пѣсни пѣть (вѣроятно предосудительнаго характера), Григорій опять сказалъ: „Не соблазнюсь“ **). Въ Малоузенкѣ Михайловъ и Вере-

---

*) Они, кажется, и постоянное мѣстожительство имѣли въ ней.

**) „Искушенія“ непремѣнно бываютъ со всѣми лжехристами русскихъ невѣжественно-суевѣрныхъ сектъ. Различны только бываютъ искусители и самый родъ искушеній. Роль искусителей иногда принимаютъ на себя са-

щагинъ заѣхали къ какому-то своему знакомому, который принялъ ихъ до того радушно и угостилъ такъ щедро, что они, совершенно опьянѣвъ, повздорили другъ съ другомъ, а потомъ и подрались. Розняли ихъ уже сосѣди, прибѣжавшіе на крикъ дерущихся. Это послѣднее событіе для Верещагина и Михайлова возъимѣло весьма большое значеніе. Единовѣрцы ихъ всѣхъ поселеній Новоузенскаго уѣзда глубоко были оскорблены, когда узнали о пьяной и всенародной дракѣ своего „христа" съ „крестителемъ", учиненной послѣ такого важнаго событія, каково было на озерѣ,—и потому отказались больше признавать ихъ сверхъестественныя достоинства. Верещагинъ и Михайловъ пытались было различными способами вразумить бывшихъ своихъ приверженцевъ, съ каковою цѣлью между прочимъ проклинали ихъ самихъ и мѣста ихъ общественныхъ моленій, предсказывая, что эти послѣднія провалятся какъ Содомъ и Гоморра. Но это только еще болѣе вооружило „духовныхъ" христіанъ противъ нихъ, и они принуждены были совсѣмъ выйти изъ монтано-молоканской секты и обратиться въ православіе.

Неудача Верещагина и Михайлова повергла единовѣрцевъ ихъ въ уныніе и заставила ихъ для полученій обѣтованій еще усерднѣе молиться, поститься и творить милостыню. Въ особенности много и неразумно, до совершеннаго изнеможенія, постились они.

О бѣснованіи еретиковъ.

Но неестественное напряженіе религіознаго чувства скоро нашло себѣ исходъ, и исходъ неожиданный. Однажды монтано-молокане собрались на общественное моленіе и запѣли 61 гл. пр. Исаіи: „Духъ Господень на мнѣ" и пр. При семъ многіе изъ

ные ближайшіе къ лжехристу люди (какъ въ данномъ случаѣ Михайловъ), иногда же цѣлая община. Въ послѣднемъ случаѣ искушеніе бываетъ въ особенности тяжко. Кандидата во христа, порядочно уже истощившагося сорокодневнымъ постомъ, члены сектантской общины принимаются мучить различными способами, напр. бить палками, иногда въ теченіи цѣлой ночи. Если подвергаемый такому искушенію не выдержитъ, то еще долженъ поститься сорокъ дней и испытать новое искушеніе, а за это время можетъ другой заявить свои права на достоинство христа.

нихъ „начали веселиться и торжествовать“, а тѣмъ, которые не слѣдовали ихъ примѣру, стали говорить: „Что вы, братцы и сестрицы, съ нами не торжествуете? Внидите и вы въ радость Господа своего: чего желали, то Богъ намъ и послалъ. Видите, какъ мы торжествуемъ и веселимся въ неощутительной радости, а вы остаетесь въ чертогахъ невѣдѣнія Божія“. Эта рѣчь привела и маловѣрныхъ въ восторженное состояніе, и всѣ собравшіеся, при пѣніи 61 гл. Исаіи, придя въ крайнюю степень возбужденія, начали щелкать въ ладоши, скакать, раздирать на себѣ одежды, даже нижнія рубашки, шумѣть и кричать другъ на друга: „ахъ, братецъ! ахъ, сестрица! радость-то какая! любовь-то какая!“ Такое моленіе „духовныхъ“ христіанъ продолжалось цѣлыхъ трое сутокъ и сопровождалось совершеннымъ тѣлеснымъ истощеніемъ и обморокомъ нѣкоторыхъ, а съ другой стороны—самымъ грязнымъ и открытымъ развратомъ, или такъ называемымъ свальнымъ грѣхомъ.

Послѣ этого бѣшенаго собранія на всякомъ моленіи монтано-молокане приходили въ восторженное состояніе, но уже не въ такое, каково было сейчасъ описанное мною. Дѣло въ томъ, что сектанты, по словамъ Ивана Артемьева, пришли „въ страшное сомнѣніе“, усумнились въ дѣйствительности сошествія на нихъ Св. Духа. Поэтому ихъ моленія, хотя и сопровождались, подобно первому моленію, скаканіемъ и рукоплесканіемъ, и криками, но уже безъ раздиранія одеждъ; да и самое скаканіе съ прыганіемъ и возгласами становилось все болѣе и болѣе неискреннимъ, искусственнымъ.

Возвращеніе изъ Турціи лжехриста.

Въ 1858 году, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Турціи, Иванъ Григорьевъ снова явился въ Орловъ Гай и собралъ сюда своихъ послѣдователей. Многое въ его сектѣ не понравилось ему. Прыганье и хлопанье въ ладоши онъ назвалъ „дикой лихорадкой“ и приказалъ совсѣмъ пріостановить ихъ. Желая очистить своихъ послѣдователей отъ грѣха, какой они понесли на себѣ этимъ нововведеніемъ, Иванъ Григорьевъ, взявъ воды и дунувъ въ нее,

окропилъ ею своихъ приверженцевъ. Затѣмъ, Иванъ Григорьевъ сталъ ихъ исповѣдывать по одиночкѣ, „какъ священникъ“. Потомъ онъ выслушивалъ жалобы сектантовъ на стариковъ въ томъ, что эти послѣдніе налагали на нихъ посты невыносимые и велѣли разлучаться мужу съ женою и не имѣть супружескаго сношенія, а жить какъ братъ съ сестрою. Жалобы эти были отчасти не справедливы: не касаться женъ повелѣлъ самъ Иванъ Григорьевъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Турцію, а старики поддерживали только эту его волю. Это доказываетъ, что безразсудное воздержаніе, въ какое монтано-молокане впали въ отсутствіе Ивана Григорьева, успѣло уже надоѣсть имъ,—требовалось во что бы то ни стало его упразднить или по крайней мѣрѣ нѣсколько измѣнить и упорядочить его. На означенныя жалобы Иванъ Григорьевъ и отвѣтилъ, что „нужно поставить правила какъ относительно постовъ, такъ и относительно супружеской жизни“. Но на первыхъ порахъ онъ ограничился пока совѣтомъ немного умѣрить посты и не предаваться такъ открыто распутству. Ивану Григорьеву разсказывали еще о подвигахъ Верещагина съ Михайловымъ и жаловались на нихъ „звѣрскіе поступки“, подъ которыми разумѣлись ихъ проклятія. Иванъ Григорьевъ сказалъ сектантамъ: „Это они хотѣли вести васъ подъ проклятіе“. Оказалось, что Иванъ Григорьичъ, предсказывая нарожденіе у монтано-молоканъ Сына Божія, мѣтилъ собственно на себя, а не на кого другаго. Онъ теперь проповѣдывалъ, что Сынъ Божій не въ одномъ историческомъ І. Христѣ былъ: Онъ былъ и до Христа „въ праведникахъ“, равно какъ и послѣ Него вселялся въ разныхъ праведныхъ и вѣрующихъ людей. Въ настоящее время Сынъ Божій пребываетъ въ немъ, Иванѣ Григорьевѣ, а потому онъ теперь Христосъ Сынъ Божій. Послѣ этого въ теченіе послѣдующей своей проповѣдической дѣятельности Григорьевъ, читая что-нибудь изъ Библіи, нерѣдко говорилъ: „Это ученіе нынѣ силу не имѣетъ *Тогда мной* было такъ сказано по другимъ обстоятельствамъ, а *нынѣ я* даю вамъ другое, *живое ученіе*“

Избраніе лжеапостоловъ.

Чрезвычайное собраніе монтано-молоканъ по поводу прибытія основателя ихъ секты продолжалось нѣсколько дней. Къ концу ли этого же собранія или спустя немного послѣ него, но только при сборѣ же большинства сектантовъ, Иванъ Григорьевъ избралъ 18 уважаемыхъ старцевъ, нарекъ ихъ апостолами, епископами и пресвитерами, назначилъ имъ приходы. Вотъ имена этихъ старцевъ и ихъ приходовъ: въ селѣ Красненькомъ—Игнатій Сергѣевъ; въ Орловомъ Гаѣ—Акинфій Купріяновъ, Петръ Егоровъ, Стефанъ Алексѣевъ; въ Перекопномъ—Тимофей Потаповъ, Андрей Филипповъ; въ Новотулкѣ—Михаилъ Андреевъ, Владиміръ Михайловъ; въ Прозорѣ—Агапъ Егоровъ, Петръ Михайловъ, Василій Михайловъ: въ Новоузенкѣ—Аѳанасій Гавриловъ, Иванъ Марковъ, Яковъ Назаровъ, Ѳедоръ Ивановъ, Иванъ Михѣевъ; еще въ Александровомъ Гаѣ были два старца, но ихъ имена мнѣ неизвѣстны. Съ этими „апостолами“ на томъ же собраніи Григорьевъ совершилъ „вечерю“ или „преломленіе хлѣба“.

Установленіе кружки.

Непосредственно за „вечерей“ Григорьевымъ было положено начало общественному сундуку или кружкѣ. Изъ его суммъ предполагалось брать: для найма охотниковъ въ военную службу, для подачки нужнымъ людямъ изъ православныхъ, на содержаніе „проповѣдниковъ Слова Божія“, для выдачи почему нибудь разорившимся послѣдователямъ его и бѣднымъ изъ нихъ нуждающимся (тѣ и другіе впрочемъ должны были потомъ отплачиваться за это, если только нужда миновала ихъ, если они поправлялись) и т. п. Въ кружку вмѣстѣ съ добровольными пожертвованіями постановлено было опускать штрафныя деньги за грѣхи, при оцѣнкѣ которыхъ Григорьевъ руководился, кромѣ ихъ сравнительной тяжести, еще степенью состоятельности грѣшника. Женщины вмѣсто денегъ могли приносить издѣлья своихъ рукъ, которыя обращались въ деньги и вносились въ кружку же. Къ обществен

ной кружкѣ приставлены были 4 старика, которымъ поручено было охранять ее, и съ согласія которыхъ должны были производиться расходы ея суммъ. Въ заключеніе чрезвычайнаго собранія Иванъ Григорьевъ запѣлъ своего сочиненія слѣдующій псаломъ:

Неба житель царь Салимъ,
Искупитель сего міра!
Неба житель къ намъ сойдетъ,
Сего мира изольетъ.
Издалече всѣхъ видать,
Яко облаки летятъ.
Духъ святый въ сердцахъ нашихъ возсіялъ,
Вѣчну радость возвѣщалъ.
Мы вездѣ все распройдемъ
И на Сіонъ гору взойдемъ,
На Сіонъ гору взойдемъ,
По-ангельски запоемъ;
Кого въ царствіе возмемъ,
Кого прахомъ разбіемъ.

Къ каждому стиху припѣвалось:

Слава Богу!
Слава царю!
Слава Духу Святому!

Это произведеніе Ивана Григорьева сильно понравилось его послѣдователямъ. Замѣтивъ это, онъ имъ сказалъ: „это только начало“. Очевидно, что до этого времени они не слыхали пѣсенъ отъ своего наставника.

Увеличеніе дохода кружки.

Чрезъ мѣсяцъ Иванъ Григорьевъ усмотрѣлъ, что въ общей кружкѣ денегъ чрезвычайно мало и что причина этого заключалась въ скупости вѣрующихъ, которые клали въ нее не болѣе 3—5 коп. сер. На ближайшемъ молитвенномъ собраніи Иванъ Григорьевъ, по этому поводу, съ своими послѣдователями повелъ

такую бесѣду. „Я, братіе—началъ онъ—хочу вамъ сказать слово истины. Какъ Богъ послалъ меня къ вамъ для спасенія вашего, то я и долженъ всѣ ваши недостатки высказывать и дѣлать вамъ наставленіе. Прежде вы были въ заблужденіи, въ идолопоклонствѣ, а теперь – люди святы. Прежде вы *не люди* были, нынѣ же—*люди моимъ ходатайствомъ* (ср. 1 Петра 2, 10). Теперь я васъ спрошу, утверждены ли вы въ той истинѣ, что вы стали Церковь Бога жива“? Монтано-молокане отвѣтили: „Вѣруемъ, что теперь мы въ истинѣ находимся, а прежде были во тьмѣ невѣдѣнія;—поклонялись рукотворенньмъ, а теперь кланяемся Богу живу,—о твоемъ наставленіи и руководствѣ“.—Иванъ Григорьевъ продолжалъ: „Когда вы были въ языческой церкви, то на свѣчи и ѳиміамъ—не Богу, а рукотвореннымъ идоламъ—не жалѣли 10, 20 коп., 1 рубля, даже 5 рублей и больше. А теперь, когда вы стали служить Богу истинну, усердія вашего является только на 5 копѣекъ! Изъ этого я замѣчаю, что плохое у васъ усердіе къ истинному Богу“. Монтано-молокане спохватились и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили класть въ кружку уже рублями и десятками рублей, черезъ годъ въ ней набралось, по словамъ Ивана Артемьева, цѣлыхъ 100,000 р. на ассигн., „потому что много было вѣрующихъ“,—такъ замѣчаетъ Иванъ Артемьевъ для объясненія громадности этой цифры.

При созерцаніи этой огромной суммы Иваномъ Григорьевымъ овладѣло сильное желаніе прибрать ее къ своимъ рукамъ. Съ этою цѣлію онъ повелъ рѣчь съ своими приверженцами слѣдующаго содержанія. Онъ говорилъ: „Я, братіе, хочу васъ спросить, какъ вы теперь должны разумѣть о своей жертвѣ, которую вы собираете въ общій сундукъ за грѣхи свои? Я долженъ теперь за васъ молиться“. Собраніе загалдѣло: „Иванъ Григорьевичъ! мы ни на кого такъ не надѣемся, какъ на тебя: ты нашъ молитвенникъ и спаситель; ты насъ вывелъ изъ тьмы невѣдѣнія; теперь мы не находимъ, кромѣ тебя, молитвенника и учителя“. Иванъ Григорьевъ продолжалъ: „Добре глашаете мя учителя и Господа вашего. Но я вижу, что немного есть у васъ недостачи. Ваша жертва за грѣхи какъ бы втунѣ пропадаетъ. Между тѣмъ, въ писаніи сказано: аще добро творишь, разумѣй кому творишь.

И вы теперь должны разсудить, куда ваша жертва принадлежитъ. Писано есть: за грѣхи жертва принадлежитъ во Іерусалимъ (Варуха 1 гл. 6. 7), *то теперь я васъ спрошу*, какой вы Іерусалимъ здѣсь разумѣете: видимый, гдѣ Христосъ страдалъ, или тотъ, который видѣ Іоаннъ сходящъ съ небеси?—Они ему въ отвѣтъ: „Мы тотъ Іерусалимъ признаемъ, который сходящъ съ небеси отъ Бога, а о видимомъ Іерусалимѣ писаніе запрещаетъ и вспоминать: онъ—Содомъ, Гоморра и Египетъ (Апокал. 11, 8); въ немъ Господь нашъ распялся. Мы теперь поэтому видимъ, что жертва, кромѣ тебя, никому не принадлежитъ, потому что мы чаемъ въ тебѣ истиннаго учителя, отца и попечителя о нашемъ спасеніи".

Легкая добыча только еще болѣе усилила сребролюбіе Ивана Григорьева Онъ предпринялъ мѣры къ увеличенію и безъ того громадной суммы жертвенныхъ денегъ. Главною мѣрою было увеличеніе налоговъ на грѣхи. Особенно много онъ сталъ брать съ богатыхъ людей. Каждому богачу онъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Ты человѣкъ семейный и богатый и чать не безъ грѣха. Тебѣ не стыдно давать за свои грѣхи 100, 200 и 300 рублей: ты знаешь, что я долженъ за всякій твой грѣхъ ходатайствовать къ Отцу моему небесному".

Та же легкая добыча побудила Ивана Григорьева еще рѣшительнѣе повести своихъ послѣдователей по тому направленію, которое было совершенно противоположно прежнему крайне воздержному образу жизни, и къ которому, какъ мы уже замѣтили, монтано-молокане начали переходить съ знаменитаго трехдневнаго всеобщаго моленія съ рукоплесканіями, прыганьемъ, раздираніемъ одеждъ и пр.

Введеніе пьянства въ обществѣ еретиковъ.

На одномъ собраніи Иванъ Григорьевъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ повелъ съ своими послѣдователями такую бесѣду. Онъ говорилъ: „какъ вы думаете, грѣхъ этотъ хлѣбъ ѣсть или нѣтъ?"—Они въ отвѣтъ: „не грѣхъ". Ив. Гр. продолжалъ: „а если ту муку, изъ которой онъ испеченъ, хорошенько просѣять и сдѣлать

хлѣбъ получше, грѣшно ли будетъ его ѣсть"?—Ученики отвѣчали: „нѣтъ, не грѣшно, потому что онъ испеченъ изъ одной и той же муки".

Иванъ Григорьевъ далѣе говорилъ: „если изъ хлѣба сдѣлать одинъ квасъ плохой и другой много получше и покрѣпче,—который квасъ не грѣшно пить? Или, быть можетъ, оба не грѣхъ употреблять"?—Они: „мы думаемъ, Иванъ Григорьевичъ, что оба не грѣхъ пить, потому что тотъ и другой изъ одного и того же хлѣба".—Онъ: а пиво, сваренное изъ этого же хлѣба, можно пить или нѣтъ"?—Они: „можно бы, если бы не клался туда хмѣль".—Ив. Григорьевъ: „хмѣль—трава такая же, что и мята, которую иногда кладутъ въ квасъ для запаху: хмѣль вкусу прибавляетъ, какъ мята духовъ. Я думаю, что всякъ злакъ на службу человѣкомъ, къ тому же Богъ сотворилъ все чисто для чистыхъ и чистому ничего отметно, но вся во славу Божію добра. Вотъ, други, у насъ вино запрещено. Я многое время объ этомъ думалъ: хлѣбъ, говорятъ,—святъ, а вино, проклято! Какъ это такъ можно разсуждать?! Вино, какъ и пиво, изъ одного матеріала, изъ хлѣба. Я полагаю поэтому, что если я выпью одну рюмку вина, то грѣха никакого не сдѣлаю. Народъ у насъ сильно отягощается работами, въ зимнее время многіе страдаютъ отъ простуды. Почему бы не выпить съ усталости или съ морозцу, переѣхавши напр. верстъ 50? Да и въ писаніи говорится: добро есть мужу вино въ мѣру піемо. (Сир. 31, 31). И Апостолъ велитъ пить ради стомаха и ради тѣлесныхъ недуговъ. Такъ не пренебрегайте виномъ. Но только не напивайтесь безобразно, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, валяются, яко песъ. Выпилъ стаканъ, да и ладно. Я бы самъ теперь съ дорожки-то выпилъ стаканчикъ". Но монтано-молокане помнили еще предписаніе стараго молоканскаго устава не употреблять вина и колебались, исполнить ли желаніе своего наставника или нѣтъ, и потому Иванъ Григорьевъ принужденъ былъ вразумить ихъ такъ: „что вы убоялись? Ступайте, принесите полштофчикъ!" Когда водка была принесена, Григорьевъ налилъ себѣ стаканъ и выпилъ; потомъ, поднесъ старикамъ и тѣ выпили. Съ этихъ поръ монтано-молокане разрѣшили пить вино.

Разрушеніе брака и введеніе распутства въ обществѣ еретиковъ.

Въ другое время на общественномъ собраніи Иванъ Григорьевъ началъ говорить своимъ послѣдователямъ: „я ваши болѣзни всѣ исцѣлилъ, но только еще одна осталась не исцѣленная“ и, затѣмъ запѣлъ свой псаломъ:

Идетъ послѣдняя печать,
Многимъ плакать и кричать.
Будетъ печатать на женахъ,
На духовныхъ на главахъ;
Будетъ браки сочетать;
А сумнѣнныхъ (!) отщищать (!).
А сумнящіе (!) дождутся:
Они на смерть изобьются,
Съ неба на землю падутъ,
На мірской станъ всѣ пойдутъ.
За слѣдомъ идти не хотятъ,
Завсегда Бога хулятъ,
И святыхъ людей бранятъ;
А никакихъ не глядятъ:
Что угодно, то творятъ.
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Этой пѣсней Григорьевъ, надобно думать, хотѣлъ заранѣе предупредить монтано-молоканъ, чтобы они безпрекословно вѣрили тому, что онъ сейчасъ намѣренъ говорить имъ. Слѣдующая за пѣсней рѣчь его была, дѣйствителъно, необычайна. Вотъ ея содержаніе, по разсказу Ивана Артемьева.

„Ну, други—ораторствовалъ Григорьевъ, разумѣете ли вы, что хощетъ Богъ творить? Это Богъ хощетъ побѣдить смертный грѣхъ, въ которомъ всѣ люди весьма злѣ страждутъ. Что это пр. Іезекіиль писалъ о костехъ сухихъ (37 гл.), разбросанныхъ на полѣ? На самомъ ли дѣлѣ эти кости, или люди“? Они отвѣчали: „это люди, погибшій домъ Израилевъ?“ Ив. Григорьевъ продолжалъ:

„сухія кости, домъ разбросанъ, скончавшіеся праведные потомки. Они были во тьмѣ невѣдѣнія и покланялись идоламъ, ибо изсохла у нихъ вся роса благодати Божіей,—*почему и назывались сухими костями и умершими грѣхомъ.* Но вотъ Богъ возвратился отъ Своей ярости и помянулъ завѣтъ Свой, который обѣщалъ Аврааму, Исааку, Іакову о умноженіи сѣмени ихъ. И наполнилъ Духомъ пр. Іезекіиля и послалъ его воскрешать умершія кости словомъ прорицанія. Писано есть въ Евангеліи: егда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія, услышавше оживутъ. Такъ и кости, по слову пророка, начали вставать и присоединяться суставъ къ суставу, вставлены ноги,—и стало потомство праведное. И вы также были во тьмѣ невѣдѣнія, но услышали гласъ Бога истиннаго и увѣровали. Какъ сказано: егда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ,—вы не ожесточили свои сердца, но приняли силу, нашедшую на вы. Вы ожили и стали собираться въ одного человѣка—бога. Я вижу, вы о Богѣ торжествуете и веселитесь, но еще не въ полномъ торжествѣ. Писано есть: аще духомъ, духомъ и да ходимъ (см. Гал. 5, 25). Если вы теперь духомъ сопряжены, выскажите всю вашу тайну. *Напримѣръ:* эта жена любитъ духомъ этого мужа; также и у этого мужа на эту жену духъ лежитъ. Ну! вамъ подобаетъ садиться парой, съ кѣмъ духъ сопряженъ. Вы этой вещи ни чуть не стыдитесь и не бойтесь. Когда вы были въ сѣни смертной, надъ вами смерть и царствовала, вѣнчали васъ діаволы, приставляя голову къ пяткѣ и пристукивая палкою (т. е. противъ воли брачущихся). Оттого и ваши браки большею частію несчастны: между мужемъ и женою весьма часто нѣтъ любви и согласія. Вамъ подобаетъ вѣнчаться не человѣкомъ, но Богомъ, потому что вы вышли изъ тьмы въ Его чудный свѣтъ. Итакъ, куда духъ ведетъ, туда вы садитесь. Нужно теперь прилѣпляться суставъ къ суставу и кость къ кости!“ Послѣ небольшаго колебанія монтано-молокане разсѣлись парами. Одинъ только Яковъ Назаровъ, старикъ преклонныхъ лѣтъ, сидѣлъ одинокимъ на своемъ мѣстѣ, „безъ пары“. —Иванъ Григорьичъ! заявилъ онъ, у меня нѣтъ пары!“ Возлѣ Якова Назарова сидѣла его родная дочь, не выданная замужъ. Иванъ Григорьевъ и указалъ ему на нее, сказавъ: „вонъ сидитъ жена“. На во-

просъ старика: „какъ это возможно“, онъ отвѣтилъ: „отъ человѣка не возможно, но отъ Бога все возможно“. Старикъ Назаровъ послѣ этого сталъ жить съ своею дочерью въ непозволительной, преступнѣйшей связи *). Затѣмъ, Иванъ Григорьевъ, обратившись къ собранію, спросилъ: „Что, други, довольны ли вы Божіею милостію, на васъ излившеюся“!—Спаси, Господи, тебя, Иванъ Григорьевичъ, за сію милость“—отвѣчало ему собраніе.—„Господь васъ благословитъ и помилуетъ—сказалъ Григорьевъ;—и я васъ благословляю: раститесь и умножайтесь и наполняйте землю и господствуйте надъ нею. По домашнему дѣлу мужъ съ женой не разлучайтесь, потому что у васъ дѣти. Ужъ дѣти будутъ вѣнчаться духовнымъ бракомъ, кто съ кѣмъ полюбится духомъ.—Ну, други, мнѣ-то какъ же теперь? Я одинъ остался безъ жены“. Съ единодушнаго согласія монтано-молоканъ Иванъ Григорьевъ избралъ себѣ для сожительства самую красивую дѣвку. Знаменитое собраніе они закончили пѣніемъ псалма:

Всѣ мы нынѣ Бога хвалимъ
За Его премногу милость,
Всѣмъ Онъ намъ грѣхи прощаетъ,
Кажду душу посѣщаетъ.
Кажда душа не таится,
Придетъ къ Богу и возвеселится.
А грѣшной душѣ горя:
На Божіемъ судѣ приложится вдвое.

Всеобщій и грязнѣшій развратъ сталъ царить въ монтано-молоканской сектѣ. Самъ Григорьевъ своею чисто-животною жизнью превосходилъ всѣхъ послѣдователей своихъ: „онъ жилъ, какъ не жилъ никто въ его сектѣ. Пьянствовалъ и „шатался по распутству хуже всѣхъ“, безъ всякаго стыда „дѣлалъ всяку нечистоту, которую срамно и глаголать“. Достаточно сказать, что всякая дѣвица, намѣревавшаяся выйти замужъ, должна напередъ мѣсяцъ

---

*) Въ другое время въ описываемой сектѣ случился такой фактъ. На одномъ собраніи, по окончаніи моленія, монтано-молокане полегли спать, большею частію попарно. Одинъ мужикъ, уже утромъ, увидѣлъ, что спалъ съ своею матерію. Возмущенный такимъ обстоятельствомъ, этотъ мужикъ не сталъ ходить на собранія, и вышелъ совсѣмъ изъ монтано-молоканской секты.

или два прожить съ Григорьевымъ, потомъ уже вступить въ бракъ, который въ этомъ случаѣ благословлялъ онъ самъ.

Среди такой жизни Ивану Григорьеву, конечно, было не до богослуженія. Онъ не только пересталъ участвовать въ немъ, но иногда цѣлыя недѣли совсѣмъ не являлся на общественныя собранія. Вслѣдствіе чего монтано-молоканское богослуженіе особенно въ торжественныхъ случаяхъ, требующихъ личнаго участія главы секты, совершенно прекращалось. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ сильно жалѣли послѣдователи Григорьева, еще не успѣвшіе совсѣмъ оскотиниться. Это чувство они выразили въ слѣдующемъ нарочито составленномъ ими псалмѣ:

Искупитель—батюшка *),
Надежда велика,
Всѣмъ держава крѣпкая!
Всѣхъ держишь, нашъ батюшка.
Патроны (!) сердечные
Вкладывалъ намъ, батюшка,
Искры божественны,
Чтобы горѣла, батюшка,
Въ насъ Божія вѣрушка,
Низко было небушко.
На всѣхъ бѣдныхъ праведныхъ.
А нынче, батюшка,
Сокровище тайное,
Свѣтъ—сударь, укрылся;
Тайна затворилась;
Темнотой покрылась
И долго продлилась;
Солнце затьмилось,
Вся наша жизнь перемѣнилась;
Во всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ
Вѣра измѣнилась.—
По тебѣ, нашъ батюшка,
Плачутъ и рыдаютъ

*) Разумѣется Ив. Григорьевъ.

Всѣ церкви соборныя
Жалко воспѣвають.
Не стало у насъ, батюшка,
Пѣнія божественнаго
И службы духовной.
Пошли ты къ намъ, батюшка,
Пастыря божественнаго
Пробудить сердца наши,
Темнотой покрытыя.—
Скоро душа наша
Изъ гостей домой пойдетъ,
Да въ какой она въ предѣлъ взойдетъ?
Прімутъ ли душу нашу
Въ селенія небесныя?
Прошли пути тѣсные,
И намъ, други милые,
Даромъ вѣдь рай не дается:
А надобно молиться,
Поститься, трудиться,
Служить Божью службу
И теперь всяку нужду.
На тѣхъ самъ Спаситель
Умильно взираетъ,
Вѣнцы накладаетъ,
Вѣчно ихъ спокоитъ,
Покровомъ покроитъ.
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кромѣ прямой цѣли выразить скорбныя чувства по поводу прекращенія богослуженія, эта пѣснь имѣла и другую весьма важную цѣль—разжалобить Ивана Григорьева заявленіемъ крайней нужды монтано-молоканской секты и тѣмъ заставить его возстановить богослуженіе. Но Иванъ Григорьевъ не перемѣнялъ своего образа жизни и потому оставался глухимъ къ заявленіямъ своихъ послѣдователей. Тогда они стали отлагаться отъ него и составлять отдѣльныя собранія. Монтано-молоканская секта начала

разбиваться на мелкія части или „упованія“. Замѣтивъ это, Григорьевъ нѣсколько остепенился и сталъ принимать мѣры къ прекращенію этого раздѣленія. Одна изъ такихъ мѣръ состояла въ томъ, что онъ сочинилъ псаломъ и велѣлъ своимъ приверженцамъ распѣвать его, какъ для собственнаго ихъ утѣшенія, такъ въ особенности для вразумленія недовольныхъ имъ, Григорьевымъ. Вотъ этотъ псаломъ:

На Сіонскихъ горахъ
Стоялъ Божій виноградъ,
Свѣтъ духовный Божій садъ.
Кто въ этомъ саду бывалъ,
Тотъ Творца Бога позналъ;
Кто плоды его вкусилъ,
Тотъ съ любовью крестъ носилъ,
Какъ во этомъ во саду
Гулялъ батюшка нашъ царь,
Духъ небесный государь *).
Онъ по садику гулялъ,
Плоды добры собиралъ;
Плоды творящихъ одобрялъ,
А безплодныхъ укорялъ;
Не творящихъ плода добра
Долой съ корня подсѣкалъ,
Въ огонь пламенный металъ,
Избрались таки злодѣи,
Обокрасть садикъ хотѣли.
Нашъ батюшка милосердъ
Онъ приставилъ сторожей
Своихъ вѣрныхъ, какъ дѣтей.
Они садикъ стерегутъ,
За то платы не берутъ;
Отъ хищниковъ отторгаютъ,
Проливаютъ свою кровь;

*) Разумѣется Ив. Григорьевъ.

Кровь и слезы проливаютъ,
Христа Бога вспоминаютъ
И про обиду говорятъ:
„Обижаютъ насъ и бьютъ“.—
„Сказать правды не даютъ“.
Какъ на этотъ зеленъ садъ
Туча темная нашла
И погодушка пошла,
Распрекрасная погода.
Было много здѣсь народа,
Пошелъ дождикъ, пошелъ градъ
И воротились всѣ назадъ,
Назадъ идти не спѣшатъ
И хулятъ все Божій садъ,
Что въ этомъ райскомъ саду
Нѣтъ ни пѣнья, нѣтъ ни чтенья,
Нѣтъ ни гласу, нѣтъ ни птицъ (1).
Убоялись страшныхъ лицъ
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Но было уже поздно; мѣры Григорьева не помогли его горю, не остановили распаденія его секты.

О второмъ лжехристѣ Г. И. Верещагинѣ.

Главнымъ противникомъ, переманившимъ отъ него къ себѣ множество его послѣдователей, былъ Григорій Ивановъ Верещагинъ.— Григорій Верещагинъ и Владиміръ Михайловъ обратились въ православіе собственно потому, что въ монтано-молоканской сектѣ имъ тошно стало жить послѣ неудачной проповѣди о своемъ сверхъестественномъ достоинствѣ. Раскаяніе ихъ, слѣдовательно, было не искреннее, а притворное. Поэтому теперь, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ особенности же когда собиралось нѣсколько православныхъ для чтенія Библіи и другихъ душеполезныхъ книгъ, Михайловъ и Верещагинъ хитро направляли бесѣду на предметъ, выгодный для молоканской секты вообще и не выгодный для православныхъ. При этомъ они, на первыхъ порахъ, тщательно

скрывали свой еретическій образъ мыслей. Обыкновенно каждый изъ нихъ, выбравъ какой нибудь вопросъ для обсужденія, говорилъ: „Вотъ, братіе, я этотъ предметъ понимаю, по *нашему православному*, такъ-то и такъ-то, а молокане *) толкуютъ его иначе“, начиналъ излагать молоканское представленіе объ этомъ предметѣ гораздо лучше и толковѣе, чѣмъ излагалъ православное. Но скоро одинъ изъ проповѣдниковъ и именно Владиміръ Михайловъ оставилъ свое поприще **). Григорій Верещагинъ остался одинъ распространять свое лжеученіе среди православныхъ, и труды его даромъ не пропали. Около него собралась кучка горячихъ послѣдователей, которые, съ фанатизмомъ новообращенныхъ, хотѣли было открыто отказаться отъ православія и объявить себя молоканами. Но Верещагинъ, боясь накликать на себя, какъ на виновника ихъ отдѣленія отъ православной вѣры, большую бѣду,—разсовѣтывалъ имъ это дѣлать, говоря, что „обрѣзаніе не въ обрѣзаніи, но въ вѣрѣ“: или, какъ онъ толковалъ имъ это выраженіе: „на православіе можете смотрѣть какъ на пустой, ничего не значащій, обрядъ и для прилику не оставлять его, главное,—вѣрьте“. Въ дальнѣйшихъ рѣчахъ своихъ, въ самый разгаръ религіознаго фанатизма въ сектѣ Ивана Григорьева, Верещагинъ осуждалъ монтано-молоканъ за строгое и неразумное выполненіе постовъ и за чрезъ чуръ частыя и восторженныя моленія, называлъ ихъ „обрѣзанными постомъ“ и т. п.

Вѣроученіе Григорія Верещагина, вообще говоря, тожественно съ вѣроученіемъ Ивана Григорьева. На библейскій разсказъ о твореніи, о патріархахъ, о потопѣ и пр. онъ смотрѣлъ совершенно одинаково съ своимъ учителемъ. Разница была только въ томъ,

---

*) За Иваномъ Григорьевымъ всѣ монтано-молокане обыкновенно называли себя духовными христіанами и молоканами или питающимися млекомъ слова Божія.

**) Куда онъ дѣвался, мнѣ неизвѣстно. Быть можетъ, онъ поссорился съ Верещагинымъ, оставилъ его, а потомъ перешелъ на сторону Иванъ Григорьева, которымъ и поставленъ былъ въ Новотули въ пресвитеры. Но быть можетъ также, что Владиміръ Михайловъ, „креститель“ Верещагина, и Новотульскій пресвитеръ того же имени—лица не тожественныя, а различныя.

что Верещагинъ выдавалъ себя за Христа, а Ивана Григорьева считалъ только Архангеломъ Гавріиломъ, который возвѣстилъ о Его нарожденіи, когда собирался въ 1855 году въ Турцію; тогда какъ самъ Григорьевъ достоинство Христа присвоивалъ не кому иному, какъ себѣ только. „Я вамъ докажу—говорилъ Верещагинъ своимъ приверженцамъ,—что все писаніе отъ сотворенія міра свидѣтельствуетъ обо мнѣ"... (Въ чемъ именно заключаются эти доказательства, мнѣ неизвѣстно). „Когда архангелъ Гавріилъ, Иванъ Григорьевичъ—продолжалъ онъ дальше,—пріѣхалъ изъ Турціи (въ 1855 г.) и высказалъ, что у васъ народится Сынъ Божій, чрезъ нѣсколько времени, послѣ того у меня зародился Духъ Христовъ и вызванъ былъ Духомъ ко крещенію и крестился отъ Іоанна".

„Послѣ того явился въ Израильскій міръ (т. е. въ монтано-молоканскую секту), который тогда постился и ожидалъ Сына Божія, по слову Ивана Григорьевича. Но Изральтяне не приняли меня: во своя пріидохъ, и свои мене не пріяли. Я пошелъ къ православнымъ,—и эти отвергли меня: говорятъ, что ты молоканинъ, ты только близиришь. А вы вотъ приняли меня,—и я дамъ вамъ область чадами Божіими быти вѣрующимъ во имя мое".—

Второй лжехристъ и его апостолы.

Съ теченіемъ времени у Григорія Верещагина набралось довольно много приверженцевъ, такъ что онъ имѣлъ возможность наконецъ окружить себя 12 „апостолами". Когда въ сектѣ Ивана Григорьева возникли нестроенія и раздѣленія, Верещагинъ рѣшилъ сдѣлать на нее нападеніе, съ цѣлію подчинить ее себѣ. Вездѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ, обыкновенно, проповѣдывалъ такъ: „Иванъ Григорьевъ заблудилъ отъ истиннаго пути, его занялъ сатана пьянствомъ и блудомъ. А какъ пьяницы и блудники царствія Божія не наслѣдятъ, то во мнѣ явился Духъ Христовъ для спасенія вѣрующихъ въ меня. Иванъ Григорьевъ претворился въ сатану, но я не прельщусь..." (то есть не уступлю никакимъ кознямъ этого сатаны, направленнымъ противъ моего ученія).

Неизвѣстно по какимъ побужденіямъ—быть можетъ—для большаго убѣжденія себя и своихъ приверженцевъ въ недостоинствѣ и, потому, непригодности *Ивана Григорьева для роли Христа, Верещагинъ* съ 12 своими апостолами однажды поѣхалъ „въ Іерусалимъ“ или къ Григорьеву и началъ укорять послѣдняго въ нехорошей жизни“. Домъ мой -говорилъ онъ—домъ отца моего, домъ молитвы; а вы его сотворили вертепъ разбойниковъ... Что, діаволъ, пьянствуешь и блудствуешь?...“—Иванъ Григорьевъ: „Ты, сатана, постись, а Божіихъ людей не заставляй поститься: они что смертное испіютъ, ничтоже имъ вредити. Ты такой-сякой постись!“ и т. п. Григорій Верещагинъ послѣ этого свиданія съ бывшимъ своимъ учителемъ, почему-то, рѣшительно и крупно повернулъ свое, и безъ того не особенно строгое и нравственное, направленіе на ту точку, на которой остановился теперь съ своими приверженцами Иванъ Григорьевъ. Еще дорогой изъ „Іерусалима“, Григорій Верещагинъ говорилъ своимъ апостоламъ: „Въ сію нощь соблазнитесь отъ мене, потому что я долженъ уподобиться грѣшникамъ и мытарямъ, вести жизнь непотребную, пить вино, творить блудъ, словомъ, уподобляться беззаконнымъ, да беззаконныхъ пріобрящу. Мнѣ не вмѣнится никакой грѣхъ и аще смертную чашу грѣха испію, то не вредитъ мя, потому что я отъ вышнихъ, надъ всѣми самъ“.

Послѣдующую жизнь и дѣятельность Григорія Верещагина и его „упованія“, за неимѣніемъ матеріала, я изображать не стану. Что же касается самого Ивана Григорьича и его приверженцевъ, то и объ нихъ, по той же самой причинѣ, мнѣ остается сообщить очень не много свѣдѣній и притомъ свѣдѣній весьма отрывочныхъ.

Въ 1864 году (вѣроятно въ концѣ зимы) Иванъ Григорьевъ пророчествовалъ своимъ приверженцамъ: „Ну, теперь я вамъ приказываю, не сѣйте и не припасайте пластовъ (не пашите) въ будущемъ году. Вы только молитесь: Отче нашъ.... потому что я вамъ Отецъ. Вы должны молиться мнѣ и нести крестъ, то есть, я буду пить вино или ходить по женамъ, а за все это вы расплачивайтесь и снабжайте моихъ домашнихъ. И всѣ околѣютъ діаволы эти, которые станутъ пахать нынѣ; все, что они посѣютъ, даже Саратовскіе палаты (амбары и хлѣбные запасные магазины) бу-

дутъ вамъ принадлежать". Если кто изъ монтано-молоканъ отказывалъ Григорьеву въ этомъ „снабженіи", онъ обыкновенно говорилъ тому: „Будь ты проклятъ! Въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебя діаволы и низведутъ тебя въ огнь вѣчный, по моему повелѣнію". Такая угроза почти всегда имѣла желательное для Григорьева дѣйствіе.—Если до 1864 года благосостояніе монтано-молоканъ стояло на очень низкой степени вслѣдствіе внутреннихъ неустроеній секты и въ особенности вслѣдствіе безчинной жизни ея главы, то послѣ проповѣди 64 года они пришли въ совершенное раззореніе, нѣкоторые изъ нихъ даже милостыню должны были собирать.

Въ послѣдніе годы своей жизни Иванъ Григорьевъ имѣлъ двухъ наложницъ, именуемыхъ имъ „духовными женами", „богородицами", „богинями" и „пророчицами". Одна богиня жила въ качествѣ жены у Григорьева довольно долго, такъ что прижила отъ него трехъ дѣтей. Но когда она нѣсколько надоѣла ему, онъ подыскалъ себѣ новую, молодую богиню, не бросая совсѣмъ и старой. Секретно отъ своихъ послѣдователей съ обѣими богинями Иванъ Григорьевъ обращался весьма сурово, билъ и всячески тиранилъ ихъ, вслѣдствіе чего богини страшно боялись его и одна передъ другой старались услуживать ему. За то при сектантахъ Григорьевъ велъ себя по отношенію къ богинямъ безукоризненно, внушалъ имъ, чтобы они Богородицу, которую чтутъ православные не признавали, а вмѣсто ея почитали бы его „женъ" или „богинь", равно какъ и дѣтей его, рожденныхъ отъ старшей богини, признавали бы за „чадъ Божіихъ".

Собираясь ѣхать куда нибудь къ монтано-молоканамъ, Григорьевъ впередъ себя посылалъ своихъ ближайшихъ учениковъ или „предтечъ", которые возвѣщали о „его божескомъ прибытіи": „живой де Богъ ѣдетъ", собирали въ одно мѣсто приверженцевъ его и готовили для него пышный пріемъ. На лихой киргизской тройкѣ пріѣзжалъ Иванъ Григорьевъ съ своими богинями. Въ богато убранной дорогими коврами комнатѣ, въ переднемъ углу на подушки садился Григорьевъ; рядомъ съ нимъ по бокамъ въ почтительныхъ позахъ располагались богини и отгоняли отъ него платкомъ мухъ. Когда онъ кушалъ, богини помогали ему при

этомъ пріятномъ занятіи. Всѣ остальные послѣдователи, особенно во время его проповѣди, благоговѣйно стояли на ногахъ или на колѣняхъ.

Умеръ Иванъ Григорьвичъ загадочно и, кажется, насильственной смертью. Порядочно соскучившись въ тюремномъ заключеніи, онъ изъявилъ желаніе обратиться въ православіе и жениться на младшей богинѣ *). Послѣднее обстоятельство особенно не нравилось старшей богинѣ, имѣвшей у себя трехъ дѣтей. Богини по очереди носили Григорьеву въ острогъ пищу и гостинцы. Послѣ „лепешекъ" старшей изъ нихъ, Григорьеву однажды вдругъ занездоровилось, и онъ скоропостижно померъ. Младшая богиня, убѣжденная въ томъ, что его отравила ея соперница, старшая богиня, возбудила противъ послѣдней судебное преслѣдованіе. Началось слѣдствіе, трупъ Григорьева вскрывали. Но дѣло окончилось безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемой и для обвинительницы.

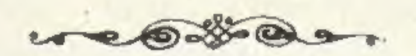
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ всего выше изложеннаго я желаю сказать нѣсколько заключительныхъ словъ къ благочестивому читателю. Святый Іоаннъ Богословъ, взывая ко всѣмъ вѣрующимъ, для предосторожности нашей отъ разнаго рода лжеучителей, говоритъ: *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ*" (1 Іоан. 4, 1). Какъ Господь посылаетъ отъ церкви Своей истинныхъ проповѣдниковъ Евангелія, которые помогаютъ Ему спасать родъ человѣческій, по слову Апостола: „*Богу бо есмы споспѣшницы*" (1 Коринѳ. 3, 9); такъ и князь міра сего, діаволъ, посылаетъ своихъ лжеучителей, которые своею проповѣдью помогаютъ ему погублять родъ чело-

*) Ив. Григорьевъ въ Самарскомъ острогѣ сидѣлъ мѣсяца 3 или 4. Это желаніе, конечно, было притворнымъ: по крайней мѣрѣ, Ив. Григорьевъ много разъ до этого обѣщалъ начальству оставить свою ересь и обратиться въ православіе, до 12 клятвенныхъ подписокъ въ томъ давалъ, но каждый разъ нарушалъ ихъ.

вѣческій. Вотъ такихъ-то лжеучителей, не отъ Бога посылаемыхъ, а отъ діавола, и заповѣдуетъ св. Іоаннъ Богословъ блюстись и не довѣрять ихъ ученію, но искушать плоды послѣдняго, не смотря на ихъ внѣшній образъ благочестія и на мнимую праведность, ибо діаволъ умудряетъ ихъ на всѣ внѣшнія добродѣтели, и они любятъ бесѣдовать отъ слова Божія, проповѣдуя вести строгую жизнь и налагая другія духовныя испытанія. Однако, что бы ни говорили они для васъ, притворяясь праведниками, но если они удаляются отъ церкви Христовой и злословятъ ея евангельскія таинства, называя пастырей ея грѣшными и чуждаясь ихъ, то съ таковыми развратниками и говорить не должно, по слову Апостола (2 Іоан. 10—11); равнымъ образомъ и самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *„отъ плодъ ихъ познаете ихъ“* (Матѳ. 7, 20), ибо отъ злаго древа могутъ ли быть добрые плоды, или отъ отступника церкви Божіей что-либо доброе? Жалости достойно то ослѣпленіе, въ которомъ находятся наши православные, безъ всякаго испытанія лжепроповѣдниковъ, довѣряющіе себя или свою душу тѣмъ духовнымъ разбойникамъ, которые являются въ міръ подобно Ивану Григорьеву, и за діавольскую проповѣдь ихъ омраченные сектанты не жалѣютъ ничего изъ своего имѣнія, и, не взирая на нетерпимое распутство и развратъ своихъ вожаковъ—лжеучителей, они безпрекословно исполняютъ всякія ихъ противобожныя требованія и постановленія; православному же пастырю за душеспасительныя дѣла они не токмо что-либо сами дать, но и другихъ развращаютъ ничего же давать. У насъ въ Россіи находится не одна тысяча такихъ лжехристовъ, поѣдающихъ имѣнія прельщенныхъ ими душъ; а потому всякій, прочитавшій ученіе Ивана Григорьева, долженъ подумать о томъ, какое находится зло среди русскаго народа, которое тѣмъ опаснѣе, что сокрыто отъ всякихъ непосвященныхъ въ тайны общества, и потому произрастаетъ невидимо, на вредъ церкви и государству.

Іеромонахъ *Арсеній.*

нахъ. Его же. Изданіе 3-е, вновь пересмотрѣнное. (Съ приложеніемъ изображенія Спасителя). Часть 2-я. Москва. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

3-я часть: „О крестѣ“ готовится къ печати (сюже).

Изъ 2-й части „бесѣдъ съ молоканами“ отпечатаны отдѣльно слѣдующія бесѣды:

а) Бесѣда о изображеніи на иконахъ св. Троицы. (Доказывается, на какомъ основаніи мы изображаемъ св. Троицу). Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 6 к., съ пересылкой 8 к.

б) Бесѣда на слова Спасителя объ истинномъ поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ. Изданіе 3-е Москва. 1888 г. Цѣна 7 к., съ пересылкой 10 к.

в) Бесѣда о символическихъ изображеніяхъ картины страшнаго суда Божія. (Объясняется о таинственномъ значеніи сей картины, и на какомъ основаніи мы изображаемъ ее). Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 12 к., съ пересылкой 16 к.

г) Бесѣда о иконахъ, о чудотворныхъ иконахъ и о явленныхъ, о крестныхъ ходахъ и о хоругвяхъ. Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 7 к., съ пересылкой 10 к.

д) Бесѣда о свѣтильникахъ и о кадилѣ. (Доказывается, на какомъ основаніи мы возжигаемъ свѣтъ предъ св. образами и кадимъ ладаномъ). Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 8 к., съ пересылкой 12 к.

е) Отвѣты на разные молоканскіе вопросы о иконахъ. (Доказывается, на какомъ основаній мы, православные, дѣлаемъ ризы и вѣнцы на св. иконахъ, и почему у насъ изображаются образа святыхъ съ сіяющими ликами или вѣнцами). Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

ж) Тексты для руководства къ веденію бесѣдъ о почитаніи св. образовъ. Изданіе 3-е. Москва. 1891 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 14 к.

з) Братское увѣщательное слово къ молоканамъ и ко всѣмъ иконоборцамъ. Изданіе 3-е. Москва. 1888 г. Цѣна 4 к., съ пересылкой 8 к.

Лжехристы монтано-молоканскіе: Иванъ Григорьевъ и Григорій Верещагинъ Изложеніе ихъ ученія и двѣ бесѣды съ ними миссіонера іеромонаха Арсенія. Изданіе 3-е Москва. 1891 г. Цѣна 8 к., съ пересылкой 12 к.

О бесѣдахъ миссіонера іеромонаха Арсенія съ молоканами с. Песковъ и другихъ сосѣднихъ селъ, Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи въ 1885 и 1886 годахъ. Изданіе 2-е. Одесса. 1887 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Письма къ новообратившимся изъ разныхъ сектъ раскола, съ Аѳона, изъ Солуня, изъ стараго Іерусалима, съ новаго Аѳона, изъ новаго Іерусалима. Іеромонаха Арсенія. Москва. 1884 г. Цѣна 50 к., съ пересылкой 60 к.

Проповѣданіе истины въ Самарской Епархіи миссіонера іеромонаха о. Арсенія. Москва. 1891 года. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 к.

Всѣ означенные труды Іеромонаха о. Арсенія собраны имъ изъ своихъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ иконоборцами по просьбѣ православныхъ ревнителей, проживающихъ среди разныхъ иконоборцевъ, для ихъ руководства въ защиту своего православія. Такъ какъ чрезъ многія бывшія устныя бесѣды Іеромонаха о. Арсенія въ разныхъ губерніяхъ: въ

Самарской, Воронежской, Астраханской, Кіевской, С.-Петербургской, Московской, Тамбовской, Саратовской, на Дону и на Кавказѣ, многіе были обращены въ православіе его бесѣдами изъ разныхъ иконоборческихъ сектъ, то для ихъ укрѣпленія и составлены эти бесѣды.

При появленіи первыхъ выпусковъ двухъ частей бесѣдъ съ молоканами Іеромонаха о. Арсенія явилось на нихъ большое требованіе, какъ на хорошее руководство для бесѣдъ съ иконоборцами, о чемъ находятся утѣшительные отзывы въ слѣдующихъ печатныхъ журналахъ: „Самарскія Епарх. Вѣдомости", 1881 г., № 5; „Кавказскія Епарх. Вѣдомости", 1881 г., № 3-й.

О второмъ изданіи этихъ бесѣдъ см. „Церковный Вѣстникъ". 1885 г., № 1-й и 52-й Журнала „Братское Слово", 1876 г., № 2-й, 157 стр. „Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости", 1886 г., № 1-й. Журналъ „Благовѣстъ". 1885 г. № 2-й.

О письмахъ см. „Церковный Вѣстникъ" № 1-й 1885 г. „Благовѣстъ".

Согласно ли съ Евангеліемъ дѣйствовалъ и училъ Лютеръ. Сочин. прот. Н. И. Флоринскаго. Изданіе 5-е. Москва. 1888 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к.

Открытыя письма Старосты Исаакіевскаго Собора г. Пашкову. Одесса. 1887 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 15 к.

Изъ области спиритическихъ тайнодѣйствій. (Разсказъ Н. Рускова). Изд. 3-е. Москва. 1891 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Изъ келейныхъ записокъ русскаго Аѳонскаго старца. Изд. 2-е. Москва. 1888 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 10 к.

Кромѣ означенныхъ здѣсь книгъ издано Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ еще много разныхъ мелкихъ книжекъ, брошюръ и листковъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ, особо отпечатанномъ.

Примѣчаніе: Пересылка книгъ по означеннымъ въ каталогѣ цѣнамъ возможна только на разстояніи не далѣе 2000 верстъ (слѣдовательно во всѣ губерніи *кромѣ Кавказа и Сибири*), а далѣе просимъ прибавлять на каждый *рубль* и за каждую 1000 верстъ еще по 10 коп.

КНИГИ ЭТИ ПРОДАЮТСЯ.

Въ *С.-Петербургѣ:* на Ново-Аѳонскомъ подворьѣ, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка.

С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Въ Синодальной книжной лавкѣ, въ зданіи св. Синода, на Петровской площади.

Въ книжномъ магазинѣ *И. Л. Тузова.* Садовая улица, Гостинный дворъ, № 45.

Въ Москвѣ: Въ складѣ отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на Петровкѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ.

А также у Алексѣя Дмитріевича Ступина, на Никольской улицѣ.

СКЛАДЪ изданія при Аѳонской часовнѣ св. великомученика Пантелеимона, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у Владимірскихъ воротъ.

Желающіе выписывать книги, или св. иконы и изображенія на бумагѣ съ св. Аѳонской горы, Пантелеимонова монастыря, благоволятъ адресовать такъ:

Въ г. *Одессу,* на Аѳонское подворье, довѣренному Русскаго Пантелеимонова монастыря, для пересылки на Аѳонъ, Настоятелю онаго монастыря, Архимандриту Андрею съ братіею.

Цѣна 8 коп., съ пересылкой 12 коп.

